

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава XI. Отрицательное отношение к реформам Никона в среде православных (2)

Отрицательное отношение к новопечатным Никоновским книгам в приходском духовенстве и в монастырях сначала было почти всеобщим, хотя только у некоторых, и даже очень немногих лиц, оно проявлялось сознательно, как сопротивление предполагаемому еретичеству, внесенному будто бы Никоном в новоисправленные книги. У большинства же, как белого приходского духовенства, так и черного монастырского, новоисправленные никоновские книги встретили или открытое, или молчаливое—пассивное непризнание по мотивам чисто практическим, не имеющим прямого отношения к правоверию или неправоверию. Дело в том, что тогдашнее белое и черное духовенство, особенно духовенство сельское и рядовое монастырское, было в своем большинстве малограмотно, оно с трудом и с значительными усилиями приучалось кое-как брести по привычным книгам, исправлять по ним церковной службы, и всегда готово было сильно споткнуться и даже совсем остановиться, если привычную книгу заменить другой, отличной от старой. И от таких-то мало грамотных лиц вдруг потребовали, чтобы они отправляли все церковной службы по новым книгам, к которым они, в виду своей малограмотности и привычки к раз усвоенному, не знали, как и пристать. Им теперь приходилось переучиваться, отвыкать от затверженного ранее и твердить новое. Дьякон Федор, как очевидец, рассказывает, что когда по рекомендации Павла митрополита Крутицкого, ставили в архиереи на Вологду игумена Свирского монастыря Симона, то он, при чтении символа, неожиданно прочел по-старому: «рожденна, а несотворенна». Тогда, повествует Федор, «нехоте его царь поставити во архиепископы; озрелся, стоя, на Павла митрополита оного, и с яростию пыхнул, рек: ты мне хвалил его; не хощу его аз! И поиде с места своего. Павел же льстец припаде к нему и рече ему с клятвою: никак, государь, несть в нем того, но промолвился. И повелеша Симону паки символ глаголати. Он же справил речь ту по новому речению. Царь же возвратися на место, и поставиша его во архиепископы». Если уже кандидат в архиепископы, значит человек, по тогдашнему времени, более образованный, при своем ставлении, не смотря конечно на тщательную предварительную подготовку, все-таки в чтении символа сначала сбился на привычное старое, то чего же можно было требовать от лиц малограмотных, какими в то время были почти все сельские священно и церковнослужители: и рядовое монастырское монашество. Для многих из них читать и служить по новоисправленным книгам было просто не по силам, они не умели, да и не могли перейти на новое, а потому по необходимости крепко держались за старое. В соборном приговоре соловецких иноков, в июне 1658 года, говорится: «во обители, по преданию чудотворцев, преподобного Зосимы и митрополита Филиппа, как был

игуменом в Соловецком монастыре, и как прежние игумены исстари служили, повыкли и мы божественной литургии служить по старым служебникам, по которым мы и сперва учились и привыкли. А ныне и по тем служебникам мы, старые священники, очередей своих недельных держати не сможем, а по новым служебникам для своей старости учитьца не сможем же, да и некогда, — которое и учено было и того мало видим. А которые мы священники и диаконы маломочны и грамоте не навичны и к учению косны, по которым служебникам старым многия лета училися, а служили с великой нуждею и Бога славили, а по новым книгам служебникам, что прислал из Колмогор старец Иосиф, нам — черецом косным и непереимчивым — сколько ни учиться, а не навикнуть, лутче будет с братьею в монастырских трудах быти». Бывший строитель Лысковского Покровского монастыря Авраамий на соборе 1666 года заявлял, что доселе он служил по старым служебникам», а не служил по новоисправным служебникам для того, что обык по старым служебникам служить, а символ веры по се время говорил по прежнему», но впредь обещается служить по новоисправленным книгам.

В то время как значительная часть малограмотного — «косного и непеременичивого» духовенства решительно заявляла, что ему «сколько ни учиться, а не навикнуть» отправлять службы по новоисправленным книгам, в это время всеми уважаемой и авторитетной лица, известной самому царю и им чтимой, открыто и решительно стали уверять и всюду проповедовать, что новой книги Никоном не исправлены, а только испорчены, что в них внесены разные ереси, что в интересах сохранения православия на Руси, в интересах своего личного спасения, каждому нужно крепко держаться именно старых книг, старых обрядов и чинов, что нужно обязательно отвергнуть все новое, введенное Никоном, как еретическое измышление, — словом они учили, что переменять в старом ничего не нужно, никак не следует и учиться новому, как гибельному для правой веры и истинного благочестия. Этот призыв — крепко держаться старого и отвергать все новое, как нельзя более соответствовал настроенности малограмотного духовенства, решал жгучий и жизненный для него вопрос в самом желательном и благоприятном для него смысле, вполне оправдывал его в собственных его глазах, так как убеждал его, что противление новому и удержание старого не есть проявление его малограмотности и косности, а дело высокое, богоугодное и спасительное. Так под сопротивление малограмотного невежества поло жена была высокая идея — охраны правой веры и истинного благочестия. Теперь невежды подняли опущенную было голову, они подвысились и, так сказать, облагородились в своих собственных глазах, так как иное дело — держаться за старое в силу малограмотности и косности, и иное — во имя спасения русского неповрежденного православия и истинного благочестия от гибели, — из малограмотных невежд они превращались теперь в героев, призванных спасти и веру и отечество. — Никон и продолжатели его дела, уже по своему официальному положению, должны бы были хорошо знать и понимать, с каким материалом, в лице большинства тогдашнего духовенства, они имеют дело, когда, рассылая новоисправленные книги, они требовали, чтобы духовенство служило только по ним, тогда как всякому сколько-нибудь знавшему тогдашнее ваше духовенство ясно было, что в значительном большинстве оно не станет служить по новым книгам единственно только потому, что по своей

малограмотности оно не сумеет отправлять по ним церковных служб, и потому всячески будет держаться за старой привычной для него книги.

Введение новоисправленных книг в церквах не могло совершиться быстро и скоро даже по материальным, так сказать, причинам, безотносительно к тому, желало или не желало принимать их и следовать им тогдашнее духовенство. Церквей — соборных, приходских, домовых, монастырских, а также часовен, заменявших собою во многих местах церкви. было у нас очень много, а средства единственной тогда у нас правительственной московской типографии были очень ограничены; она могла, за другими работами, выпускать новоисправленные книги только в небольшом относительно количестве экземпляров, так что требовалось очень и очень много времени, чтобы новоправленных книг хватало на все тогдашние церкви и чтобы все они могли ими обзавестись. С другой стороны, книги тогда были очень дороги и для бедных церквей приобретать целый круг новопечатных церковных книг часто было не под силу, а потому по необходимости многие церкви очень долго продолжали прибавляться имевшимися к ним прежними старыми книгами. Нижегородского Лысковского Богородичного монастыря черный поп Авраамий, на соборе 1666 года, «прощения просил, что он новоисправные печатные книги не держал скудости ради». Естественно, что тогда не мало было и таких священников, современников Никона, которые успели умереть не имея даже случая увидеть новоисправленные книги; естественно, что очень долгое время и после реформы Никона во многих церквах, особенно сельских и захолустных, церковной службы продолжали совершаться по старым кашам единственно потому, что не было под руками новоисправленных книг.

В самой Москве, даже в Кремле, т. е. на глазах царя и всех высших церковных властей в некоторых церквах еще продолжали употреблять старые книги вплоть до самого решения этого вопроса собором 1666 года. Игуменья Вознесенского в Кремле монастыря, Маремьяна Пальчикова, в челобитной государю 1666 года заявляла: «по твоему, великого государя, указу и по соборному уложению, указал ты, великий государь, везде по монастырям и по прихоцким церквам, по новому соборному уложению, в церквах по книгам петь и честь, по новому соборному уложению, на речь. И мы, нищие царские твои богомольцы, по книгам говорили по-старому, а пели обедни и всякое пение по-новому, а книг, государь, твоего царского жалованья к нам новых в Вознесенский девичий монастырь в прежние годы не пресыловано. А в нынешнем, государь, во 174: году, по твоему, великого государя, указу присланы к нам в монастырь книги по новому твоему, великого государя, соборному уложению к священницам, и те, государь, священницы и крылошанки по книгам по старым и по новым говорят; а заповеди и заказу от тебя, великий государь, к нам в девичий Вознесенский монастырь об этом не бывало, что по старым книгам не говорить». На соборе 1666 года черный поп Фаддей показывал: «года де тому с два, или больши, был он в нижегородском уезде в селе Лыскове в монастыре пречистые Богородицы Казанские у строителя черного попа Авраамия в келье, и в разговоре похвалял книги новоисправной печати, и тот де черный поп Авраамий против того говорил: и старые книги добры, ведь де они свидетельствованыж, и на Москве по

новоисправным книгам не все служат, — еще де не установилось, да и патриарш-де казначей, старец Тихон, не вовсе за новоисправные книги приниматца велит.» Другой старец, Гавриил, показывал, что когда он уговаривал Аврамия держаться новоисправленных книг, тот ему на это ответил: «не един де я так служу (т. е. по старым книгам), как де но всех церквам будут служить (по новым книгам), тогда де и я буду». В 1657 году в Соловецкий монастырь были присланы новоисправленные книги. Получив книги, монастырские власти никому не показали их, а сложили в казенную палатку, где книги спокойно и лежали, а службы продолжали отправляться по прежнему — по старым книгам, и никакая власть этому не препятствовала. Соловецкий старец, Герасим Фирсов, на соборе 1666 года показывал: «по новоисправленным служебникам в Соловецком монастыре не служил для того, что великого государя указу не было». Бывший соловецкий архимандрит Варфоломей тоже на соборе 1666 года показывал: «а кресты де на просвирах в Соловецком монастыре и до ныне по-старому, и о том де к ним указу не бывало». Только после собора 1666 года последовал в Соловецкий монастырь указ об обязательном отправлении всех церковных служб исключительно по новоисправленным книгам, что и повело к возмущению соловецких монахов.

Если в самой Москве, после удаления Никона, с новоисправленными книгами «еще не установилось», почему благоразумные московские духовные лица, спрашивавшим их провинциалам, «не вовсе за новоисправные книги приниматься велят», если в Москве, и даже в самом Кремле, по-прежнему беспрепятственно еще продолжали служить по старым книгам и царского указа о замене их новыми не было; то каких либо особых специальных мер о замене старых книг новыми конечно не предпринималось архиереями и в их епархиях, — служили, кто как хотел: или по-новому, или по-старому, большинство, понятно, по старому. Из дошедших до нас архиерейских грамот видно, что епархиальные архиереи, до собора 1666 года, вовсе не настаивали на том, чтобы в их епархиях обязательно служили по новым, а не по старым книгам. В 1658 году вологодский архиепископ Маркелл предписывает наблюдать соборному протопопу, «чтобы в церкви Божии всякое пение пели и говорили единогласно», причем вовсе не говорит того, чтобы пение в церквах совершалось по новоисправленным книгам, о последних грамота совсем умалчивает. В 1660 году в царской «грамоте новгородскому духовенству предписывается: «и вы б — архимариты, игумены и протопопы — приходских всех церквей попом и дьяконом и всяких чинов людем приказывали с великим рассмотрением и подкреплением, чтоб во всех церквах Божиих божественное пение было единогласно, со страхом Божиим». Об обязанности петь по новоисправленным книгам опять не упоминается. В 1661 году новгородский митрополит Макарий, в грамоте к архимандриту Тихвинского монастыря предписывает ему сделать крепкий наказ всему духовенству, «чтоб пели и говорили по всем святым Божиим церквам единогласно, а не во многие гласы». О новоисправленных книгах не упоминается. Это упоминание грамот до 1666 года об обязанности духовенства отправлять службы именно по новоисправленным, а не по старым книгам, было не случайностью, а естественным последствием и обнаружением общей неуверенности принятия церковью новоисправленных никоновских книг, неуверенности, которая прекратилась лишь со времени собора 1666 года, что сейчас же и

отразилось в последующих архиерейских грамотах. Так новгородский митрополит Питирим в 1671 году предписывает учинить крепкий наказ попам и причетникам, чтобы они «пели и говорили единогласно по новоисправленным книгам». Тот же митрополит узнав, что «в Вожской десятина духовные поют и говорят не единогласн и по книгам старой печати, а не по новоисправленным» предписывает отправлять службы единогласно по новоисправленным книгам. В 1683 году устюжский архиепископ Геласий предписывает, чтобы в церквах Божиих «пели и говорили единогласно и наречно, а не мятежно, по новоисправленным наречным книгам». Таким образом, как до собора 1666 года, когда относительно новоисправленных книг «еще не установилось», архиерейские грамоты требуют от духовенства только петь единогласно, совсем не упоминая при этом о новоисправленных книгах; так после собора 1666 года наоборот; во всех подобных архиерейских грамотах всегда уже говорится, чтобы духовенство пело и читало в церквах единогласно и обязательно по новоисправленным, а не по старым книгам.